

ГОРЬКИЙ НА ЛАТЫШСКОЙ СЦЕНЕ

Драматургия Горького открыла новую главу в развитии мировой литературы. Основоположник метода социалистического реализма, Горький в своих пьесах отводит главную роль положительному герою-борцу, всегда решающему самые жгучие революционные проблемы современности, утверждает творческие способности человека, великую силу освобожденного созидательного труда. Общественно-политическая острота пьес Горького, вскрывающих обреченность буржуазной идеологии, несправедливость собственного мира, приводила в трепет царских чиновников. Постановки пьес Горького до Октября превращались в схватки сил реакции и прогресса, в арену классовых столкновений. Не случайно генеральную репетицию пьесы «Мещане» в 1902 году в Петербурге К. С. Станиславский сравнивал с генеральным сражением. Через несколько недель «Мещане» были поставлены в Риге, в театре «Улей». Спектакль был сыгран лишь один раз — власти не разрешили играть его.

Залы театров во время представления горьковских спектаклей становились местом политических демонстраций. Когда в Риге петербургские артисты играли «На дне», с балкона разбрасывались революционные листовки и раздавались возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!». После спектакля и на следующий день, в связи с лекцией о творчестве Горького, по улицам Риги проходили демонстрации, распевались революционные песни. Об этих событиях сообщалось на страницах ленинской «Искры». После спектакля «Мещане» в октябре 1905 года в Елгаве молодежь устроила митинг, на котором звучали революционные речи и песни. В Даугавпилсе во время представления «Дачников» были устроены овации в честь арестованного Горького. На второй спектакль был введен в театр отряд вооруженных солдат.

Эти спектакли помогали устанавливать и крепить связь латышской национальной культуры с передовой русской литературой. Сам Горький в 1904 году присутствовал в Риге на премьерах своих пьес «Мещане», «На дне», «Дачники», поставленных русской труппой К. Н. Незлобина под руководством К. Марджанова. «Вчерашний спектакль заставил биться многие сердца и вызвал такие аплодисменты и такое ликование, что Максиму Горькому приходилось еще и еще выходить на сцену», — так писала газета «Диенас лапа» о первом представлении «Дачников» на сцене Рижского театра. После первого действия Горький, встреченный овациями, был увенчан лавровым венком. В 1904 году состоялись первые представления «Мещан» на латышской национальной сцене — в Рижском латышском театре, а через год — в Лиепе и Елгаве. Многие постановки пьес Горького на латышском языке связаны с именем режиссера А. Миерлаука. В Рижском латышском театре ставились также «На дне», «Дети солнца», «Варвары». О популярности пьесы «На дне» свидетельствует тот факт, что почти одновременно появляются три ее перевода на латышский язык. Большую активность в пропаганде горьковской драматургии проявляет организованный в 1908 году латышский Новый Рижский театр, связанный с рабочим зрителем.

В период существования Советской власти в 1919 году в Латвии возрастает интерес к острым социальным проблемам горьковской драматургии — ставятся «Враги» в Рабочем театре

Валкского уезда, в театре Валмиерского Совета, в Рабочем театре Риги.

В годы буржуазной Латвии власти всячески тормозили постановку пьес Горького. «Для нас, работников латышского театра, — писал Э. Смильгис, — Горький долгое время был недостижим. Все, что было связано с великой русской культурой, изгонялось и запрещалось. Известны лишь отдельные постановки «Врагов», «Старика» в Лиепайском Новом театре. Были сыграны «Враги» и в латышской драматической студии при Народной высшей школе в Риге в 1926 году. Иногда ставилась пьеса «На дне».

Когда в Советской Латвии зрители снова получили возможность широко приобщиться к драматургическому наследию Горького, на латышской сцене возрождаются и те пьесы, которые уже видели здесь свет рампы, играют и такие, которые ни разу еще не ставились.

Более шести десятилетий звучит со сцены горьковское слово. Постановка каждой его пьесы становится большим событием в творческой жизни коллективов, в них принимают участие лучшие творческие силы театров. Драматургия Горького способствует росту актерского мастерства — она требует создания на сцене многогранных, художественно ярких образов с различными социально-психологическими оттенками, с глубокой и сложной внутренней жизнью. Заметным событием в культурной жизни республики стал спектакль «Егор Булычов и другие», поставленный в Художественном театре имени Райниса в 1946 году. В этом ярком, красочном спектакле много виртуозной режиссерской фантазии было проявлено Э. Смильгисом, по-новому развернулись таланты А. Филиппова, Л. Берзиня, А. Абеле и других актеров. Спектакль сочетал жизненную правду с яркой театральностью. Это был Горький, но своеобразно, талантливо, по-своему прочитанный. «Варвары», «На дне» в Академическом театре драмы, «Враги», «Дачники», «Сомов и другие», «Варвары», «Егор Булычов и другие» в Рижском театре русской драмы, «Дачники» в Художественном театре имени Я. Райниса, «Варвары», «Мещане», «Егор Булычов и другие» в Лиепе, «Дети солнца» в Валмиере, «Мещане» в Театре юного зрителя, «Васса Железнова» в Елгавском театре, «Фальшивая монета» в Даугавпилсе — таковы этапы освоения нашим сценическим искусством классического наследия пламенного буревестника революции в послевоенные годы.

Пьесы Горького выдерживают самое строгое испытание — испытание временем. В этих пьесах сочетаются познавательная ценность с эмоциональной насыщенностью, идейная глубина с мастерством формы, с рельефностью характеров, с высокой культурой языка. Сейчас к наследию Горького обратился в Риге Театр юного зрителя. «Последние» на сцене этого театра — спектакль, подготовленный к 100-летию со дня рождения писателя.

С приходом каждого нового поколения пьесы Горького словно рождаются заново, обретая особое, актуальное звучание, расширяя горизонты восприятия заложенных в них идей и чувств. Интерес к драматургии Горького не меркнет, потому что, показывая конкретные обстоятельства и характеры, он всегда поднимается до философского осмысления бытия.

Появление «Последних» в 1908 году в печати В. И. Ленин отметил в одном из писем к матери М. А. Ульяновой. За репликами персонажей пьесы слышится гневный,

страстный голос ее автора, утверждающего историческую закономерность гибели последних представителей мира насилия и лжи, мешавших людям жить, любить, идти вперед. За каждым персонажем пьесы — не только жизненно достоверный тип, но и тот общественный слой, которым он порожден. Вот почему нельзя трактовать пьесу в жанрово-бытовом или уголовно-мелодраматическом плане — это снизило бы силу ее обличительной иронии и внутреннего героического пафоса. Постановщик спектакля А. Шапиро нашел точную современную интонацию — он увидел в образе Ивана Коломийцева и его старших детей моральных мертвецов, тот «трагический балаган», о котором говорится в пьесе. Одетые в полицейские мундиры музыканты духового оркестра, расположенные наверху в глубине сцены, включаются в действие, под звуки марша воинственно шагают Иван или Александр Коломийцев, на фоне пошлых романсов объясняются Вера и Яковлев. Это помогает раскрыть аморальность и пошлость «героев» этого мира, а художественное оформление М. Китаева передает ощущение его неустойчивости и обреченности.

Остро и беспощадно разоблачает Горький дворянина, ставшего полицейским. Совершая преступления, Иван Коломийцев не чувствует, что это преступление. Он жестоко расправляется с революционерами, избивает арестанта, насилует дочь своего служащего, а свою дочь выдает замуж за развратника и считает все это естественным, нормальным путем к карьере. Спектакль передает то состояние цинизма и одичания, которое свидетельствует о разрушении человеческой личности, о разложении буржуазной семьи. Режиссер спектакля обновляет и развивает традиции постановок пьес Горького, помогая нам понять их философское и эстетическое богатство, а это способствует познанию общественных процессов и современной жизни.

В первую очередь пафос спектакля Театра юного зрителя — в протесте младших детей Ивана Коломийцева Петра и Веры против лицемерия, цинизма и беспринципности, в их растущей ненависти к любым проявлениям лжи, страха, деспотизма. Они постепенно осознают, что в этом обществе невозможно человеку быть самим собой. Их трагизм в том, что они стремятся к правде и справедливости и, чувствуя свое бессилие, что-либо изменить, задыхаются в этой душной атмосфере. Развитие характера Веры проходит на наших глазах. Исполнение этой роли — несомненный успех А. Зайце, она проводит ее с большой эмоциональностью и находит очень выразительные детали, чтобы передать трагизм прощания с наивными идеалами юности. По-своему искренне выражает жадную истину и чувство протеста Я. Витоль, исполняющий роль Петра.

Оригинальное режиссерское построение отдельных сцен и интересный

замысел современного прочтения этой пьесы не всегда, к сожалению, находят свое выражение в актерском исполнении. Карикатурно-водевильные интонации допускает А. Майзук, играющий Ивана Коломийцева. Драматической глубины не хватает Э. Балдинь, играющей Софью, и А. Гулбе в роли госпожи Соколовой. А ведь в диалоге этих двух матерей очень ярко выражена тема пьесы о закате, смерти «последних» и возрождении, подлинной силе героев будущего.

Вспомним спектакль «Последние» в Академическом театре драмы Латвийской ССР, осуществленный в 1946 году, — первую постановку этой пьесы в Латвии. Мастера латышской сцены выявляли психологические глубины горьковских образов. Я. Осис чутко уловил и талантливо передал самобытное позерство Ивана Коломийцева, его пафосные интонации и жесты, за которыми проглядывались подлость и слабость, самодурство и безволие. Он иногда начинал говорить искренне, у него свои представления о морали. Но эта искренность всегда переходила в декларацию. Психологически точно решала образ своей героини В. Лине — ее Люба остро чувствовала личное уродство как уродство всей семьи, всего общества. Не все в режиссерском замысле этого спектакля было четким и самостоятельным, но созданные в нем характеры неотделимы от творческой истории горьковской драматургии на латышской сцене.

Пьесы Горького сценичны яркостью и глубиной своих характеров. При воплощении горьковских образов в театре нельзя допускать упрощенности, шаржирования или мелодраматических приемов. Основное в горьковской драматургии — это острые и волнующие столкновения характеров, идей, страстей, интересов. Очень показательна работа Г. Товстоногова над «Варварами» и «Мещанами». Не прибегая ни к каким приемам «современизации» или внешним сценическим эффектам, строго оставаясь в рамках эпохи, обрисованной автором, концепции самого Горького, Ленинградский академический Большой драматический театр, носящий имя великого пролетарского художника, взволнованно и правдиво говорит со зрителем. Режиссерский замысел не существует как что-то самодовлеющее и отвлеченное, а проявляется в актерском исполнении. Такого нерасторжимого сплава четкого и интересного режиссерского замысла и высокого актерского мастерства, органически связанного с искусством перевоплощения, недостает еще спектаклю нашего Театра юного зрителя.

Театр Горького — это богатейшие возможности безмерного и могучего реалистического искусства, это правдивые и убедительные принципы психологической драмы, это стройный ансамбль ярких актеров, приверженцев единой художественной манеры. Идеи в пьесах Горького раскрываются не обнаженно-публицистически, и в отдельных героях нельзя видеть рупор прямолинейно выражаемых авторских мыслей. Социальная сущность человека раскрывается в неразрывной связи с его сложной индивидуальной характеристикой. Перед могучим реализмом Горького отступают схемы, натуралистическое бытописание, формалистическое шоукарство. Успех сценического воплощения этих пьес — в единстве идейной направленности, жизненной правды, театральной выразительности.

В полный голос звучит сегодня на театральной сцене страстное слово Горького. Оно остро клеймит социальный паразитизм, любые проявления эгоизма, лжи, мещанства, воспитывает любовь к жизни, труду, к Родине, воспекает героических людей, являющихся «живым примером, призывом гордым к свободе, к свету».

И. ВАЛИН.

«Последние» в Театре юного зрителя. Вера — артистка А. Зайце, Яковлев — артист Х. Герхард.

Фото К. Тилгаласа.